ПРОВ. 1958

(Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“).

СМОЛЕНСКО-ПОЛОЦКІЙ ГОВОРЪ
ВЪ XIII—XV ВВ.

I.

Матеріалъ для характеристики древняго смоленско-полоцкаго говора заключается прежде всего въ рядѣ грамотъ, сохранившихся въ Рижскомъ городскомъ архивѣ. Они слѣдующія:

1. Договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г., дошедшій до насъ въ двухъ главныхъ редакціяхъ и въ шести экземплярахъ (Русско-Ливонскіе Акты, собр. Напьерскимъ, прилож. N 1), изъ которыхъ только одинъ съ достовѣрностью можетъ быть признаваемъ за подлинный актъ, писанный въ Смолснскѣ [1]). Это экземпляръ А, изданный впервые по снимку (не вполнѣ точному) въ „Собраніи государств. грамотъ и договоровъ“, т. II, N 1, и потомъ нѣсколько разъ перепечатанный въ разныхъ трудахъ [2]).

Изъ орѳографическихъ особенностей договора по экз. А [3]) заслуживаютъ вниманія замѣна *ъ*, *ѣ* черезъ *о*, *е*, *ѣ*

---

[1]) На это указываютъ смоленскія печати. Проектъ договора на русскомъ или другомъ какомъ языкѣ писанъ, какъ видно изъ его текста, на Готскомъ берегѣ.

[2]) Экземпляръ С, копія съ экз. А, писанъ псковичемъ, какъ убѣждаетъ насъ замѣна *ч* черезъ *ц* тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ А, *ж* черезъ *з*, неударяемаго *е* черезъ *и*: лучшего, учинили, учинять, горящему, зельза, лѣзить, у своиге жены, латинискаго (=латинеского А).

[3]) Пользуемся изданіемъ его въ „Р.-Лив. Актахъ“.

272
35

и на оборотъ и смѣшанное употребленіе *е* и *ѣ*. Первая является очень часто: берьго, миро, будѣте, дѣѥтѣ, князѣ, быхъмъ, рѣздрушенъ, берьзѣ, послъ, пальзлъ. Второе также нерѣдко: вѣремьнемь, будѣте, утвѣрдять, ведомъ, ѥхали, всемъ. Они указываютъ, что смоленско-полоцкіе кривичи въ первой половинѣ XIII в. уже не знали глухихъ *ъ* и *ь* и вездѣ, гдѣ эти послѣдніе не исчезли изъ произношенія, произносили ихъ какъ *о* и *е* и что имъ былъ уже неизвѣстенъ *ѣ*, какъ звукъ отличный отъ *е*.

Изъ особенностей языка договора одни принадлежатъ всему русскому яз. первой половины XIII в. Сюда относится прежде всего мягкость *к* передъ *ьг* или замѣна *кьг* черезъ *ки* въ ризкии, латинескии, ризкимь, ризѣскими, латинескими, являющаяся рядомъ съ твердостью *к* и другихъ гортанныхъ: смольнескьги, Ригьг, гочкьги, готскьгмь и др. Далѣе, сюда относится твердость *м* въ окончаніи формъ твор. и мѣстн. ед., которая выражается въ употребленіи буквъ *мь* вмѣсто *мъ:* по вѣремьнемь, по вѣрьмьнемь, всемь, темь (дат. мн.), камь (=камо); очевидно, для писца грамоты *мь* звучало одинаково съ *мъ*. Затѣмъ замѣчательны: *ьг* въ выраженіи: из *ьг*ноѥ земль, мягкость *ж* въ мь*жю*, промь*жю*, плате*жя*, *з* изъ *жс* въ ризкии, *з* вм. *с* въ *з*дѣ, *д* въ ръз*д*рушенъ. Между формами обращаютъ на себя вниманіе новыя формы мѣстн. ед.: у Смольнѣскъ, Смольньскъ, у—*кѣ*, формы прош. сложн. безъ вспомогательнаго глагола: умьрлъ, уздумалъ, прислалъ, была, ѥхали, и формы неопред. накл. на *тъ*: аже не будѣтѣ порукы, то у жельза усади*тъ* (Р.-Л. А., стр. 424).

Другія особенности языка договора, взятыя въ совокупности, могутъ быть признаваемы за особенности древняго смоленско-полоцкаго говора. Это мѣна *ц* и *ч* и замѣна *в* черезъ *у*. Первая является довольно часто — въ купь*чь* (им. ед.), куп*ч*емъ (дат. мн.), го*ч*кыи, -омь, -ого, немчи*цю*, бири*ца*. Вторую мы находимъ въ *у*здумалъ, *у* Ризѣ, *у* Русе гостить (=въ Русь), *у*стоко, *у* Смольнѣскь, *у* Ризе, пол*у*торы, *у*зяти, *у* погрѣбъ, *у* дълго, *у* рускои

земли и др. Она встрѣчается, еще чаще и, замѣчательно, рядомъ съ нею мы не видимъ употребленія *в* вм. *у* [1]).

2. Договоръ неизвѣстнаго смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ, около половины XIII в., открытый акад. Куникомъ и изданный въ „Р.-Лив. Актахъ", прилож. N 2. Писанъ въ Смоленскѣ.

Орѳографическія особенности тѣ же, что въ предъидущемъ памятникѣ.

Изъ обще-русскихъ особенностей языка этого договора можно отмѣтить *и* въ въсхочети и казнити, *ъ* въ дѣтьскъи, русьскъи, Ригъ, хытрити, твердое *м:* о нем*ъ*, мягкія *ж, ц* въ тя*жю*ть, ли*цю*, задьни*цю*, *в* въ тивуна, формы мѣстн. ед. Смольньск*ѣ*, Смолѣньск*ѣ* и др., форма твор. мн. муж*ъми*, форма неопр. н. поставит*ъ:* тако же и немьчицю Смолиньскѣ — и передъ княземь.

Къ смоленско-полоцкимъ особенностямъ принадлежитъ частая мѣна *ц* и *ч:* немѣ*чь* (род. мн.), сули*чами*, немь*чемъ*, куносмь*чи* (дат.), немьчи*ць*, немьчи*цемь*, -ю, -а, при Романовиц*і*.

Сверхъ того, можно упомянуть объ *е* въ *е*меть (не описка ли вм. емлеть?) и форму дат. п. русьскому гост*ъи* (=гости, отъ гость?).

3. Грамота смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича въ Ригу въ 1284 г., напечатанная впервые въ „Собраніи госуд. гр. и дог.", II, N 3. Писана въ Смоленскѣ.

Между орѳографическими особенностями замѣчательно употребленіе *ъ* вм. *е* и на оборотъ.

Изъ обще-русскихъ особенностей языка грамоты заслуживаютъ вниманія *о* вм. *е* въ вашому, нашому, купьцомъ, *ъ* въ ветхъи, *ш* въ *ш*то, *щ* въ и*щ*ьло (=из-шьло), формы мѣстн. п. Смоленьск*е*, -ѣн-.

Особенность смол.-пол. говора — *в* вм. *у:* ни намъ *в* сѣбе въ Смоленьске.

---

[1]) По нашему мнѣнію, *о* въ ѿидето, *ъ* въ былъи и *и* въ дѣлаити не что иное, какъ описки. Съ *ровнати* сравни польск. równać.

4. Грамота того же князя о колоколѣ 1284 г., напечатанная впервые Напьерскимъ сначала въ „Грамотахъ, кас. до сношеній сѣв.-зап. Россіи съ Ригою“, потомъ въ „Р.-Лив. Актахъ“. Писана въ Смоленскѣ.

Въ ней можно отмѣтить только употребленіе *е* вм. *ъ*, *о* вм. *е* въ немьц*о*мъ, *ъг* въ смоленьск*ъги*, немецьск*ъги*, *щ* въ и*щ*ьло.

5. Грамота смоленскаго князя Александра Глѣбовича въ Ригу около 1300 г., впервые напечатанная Напьерскимъ въ выше означенныхъ изданіяхъ. Писана въ Смоленскѣ.

Здѣсь замѣчательны: *о* вм. *ъ:* путь чисто, *е* вм. *ъ:* будете, *и* вм. *ъг:* рижьск*и*мъ.

6. Грамота полоцкаго епископа Іакова въ Ригу около 1300 г., напечатанная Напьерскимъ тамъ же. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней обращаютъ на себя вниманіе употребленіе *ъ* вм. *е* въ бласло*въ*нье, опущеніе слога *го* въ томъ же словѣ и въ бласловляю, *ш* въ *што*, но особенно *во* вм. *у:* былъ есмь не дома *во* отьца своего митрополита, и *у* вм. *в:* *у* Полотеско.

7. Договоръ смоленскаго князя Ивана Александровича съ Ригою первой половины XIV в., впервые изданный въ „Собраніи гос. гр. и дог.“, II, N 8. Писанъ въ Смоленскѣ.

Здѣсь замѣчательно только *у* вм. *в* въ *у*нукъ.

8. Договоръ Полоцка съ Ригою первой половины XIV в., изданный Напьерскимъ въ его трудахъ. Писанъ въ Полоцкѣ (какъ показываютъ печати; проектъ договора или нѣмецкій оригиналъ писанъ въ Ригѣ).

Здѣсь замѣчательны: *о* вм. *е* въ а*ж*о и *у* вм. *в:* *у* пудный ремѣнь, *у*зяти, *у* руской земли, *у* Ригу.

9. Грамота Витовта въ Ригу 1399 г., изданная впервые въ „Собраніи гос. гр. и дог.“, II, N 14. Писана въ Полоцкѣ и имѣетъ въ своемъ языкѣ такія особенности,

какихъ нѣтъ въ языкѣ другихъ грамотъ литовскихъ князей, изъ чего видно, что писецъ ея былъ полочанинъ.

Въ ней замѣчательны: *ы* въ ризькыимъ, *о* въ цоловати, *чс, шс, с* вм. *ш, ч: чсто, шсто, сто*, формы 1 л. мн. есмо, есме, форма мѣстн. ед.: по Божьему нароженьи, у Полоцькоу, а также *у* вм. *в*: *у* Полоцьку, *у* правду, *у* Ризе и др., и *ц* вм. *ч:* полоцаномъ (дважды).

10. Грамота полоцкаго намѣстника Монтигирда въ Ригу, начала XV в., изданная въ „Р.-Лив. Акт.“. Писана въ Полоцкѣ.

Языкъ ея имѣетъ слѣд. особенности: *ы* въ изыідеть (дважды), *у* вм. *в: узяли*, *ч* вм. *ц:* полочького.

11. Грамота полочанъ въ Ригу 1404 г., напечатанная сначала въ „Собраніи гос. гр. и д.“, II, N 16, потомъ въ „Р.-Лив. А.“. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней обращаютъ вниманіе: *ы* въ рукы (при руки), *тъ* въ пошлетъ, *у* вм. *в: у* Полочьку, *у* канунъ, *ч* вм. *ц:* Полочьку.

12. Договоръ Полоцка съ Ригою 1405 г., напечатанный въ „Р.-Лив. А.“, N CLIV. Редакторъ этого изданія считаетъ единственный экземпляръ договора не подлинникомъ, а древнею копіею; если это справедливо, то копія должна быть признаваема современной оригиналу и или писанной въ Полоцкѣ, или точно воспроизводящею полоцкій текстъ.

Въ немъ замѣчательны: *ъ* въ белкъ (при ризьки и др.), *ы* вм. *о, е* въ серебрьгныи, серебрьгныхъ, старьгму, *я* вм. *е, ъ* въ всякоя, твердыя *ж* и *ш* въ потомужъ, нашъ, мягкое *ц* въ купьцю, торговьцю, твердое *т* въ пустятъ, емлютъ, казнятъ, отсутствіе конечныхъ гласныхъ въ надеючесь, потомужъ, форма 1 л. мн. есме.

Сверхъ того, обращаютъ вниманіе *у* вм. *в: у* Ризе, *у* немечькии дворъ, *у* Полотьсце, *у* верхъ, *у* Ригу, *ч* вм. *ц:* немечькии, полочькиихъ, по розничи, твердое *р* вм. мягкаго: серебрьгныи, -хъ.

Какъ на слѣдъ польскаго вліянія, можно указать на слово *здровъе*.

13. Грамота полоцкаго намѣстника кн. Ивана Семеновича въ Ригу 1409 г., изданная въ „Р.-Лив. Акт.“. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней замѣчательны: *о* въ *чотыри*, отсутствіе гласнаго въ *колъ*, мягкое *ш* въ *нашю*, твердое *т* въ *идутъ*, формы твор. ед., родит. и дат. мн. *всѣмъ*, *всѣхъ*, *всѣмъ*, форма 1 л. мн. *есмо*. Сверхъ того, можно отмѣтить *ц* вм. *ч:* *поконцалъ*, и полонизмъ *человѣка*.

14. Грамота полочанъ въ Ригу 1465 г., изданная въ „Р.-Лив. А.“. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней стоитъ замѣтить *у* вм. *в:* *у* городъ, *у* Полоцку, *у* Ризе, и форму *быхмо*.

15. Грамота полоцкаго намѣстника Мих. Олехнова въ Ригу 1465 г. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней замѣчательны: отсутствіе конечнаго j въ формахъ род. и дат. п.: до ваше милости, ваше милости слуга, онъ ваше милости отповѣдаетъ, твердое *т* въ отповѣдаетъ, будетъ, *в* вм. *у:* *в* насъ, формы ссмо, *быхмо*.

16. Грамота его же въ Ригу 1470 г., изданная въ „Р.-Лив. А.“. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней обращаютъ вниманіе: *ъг* въ полоцкыхъ, *о* въ мужомъ, речохъ, *у* вм. *в:* *у* рпзкомъ мѣстѣ, форма *быхмо*, полонизмы: *пьвность*, о тыхъ *речохъ*.

17. Грамота полочанъ въ Ригу 1475 г. (?). Издана тамъ же. Писана въ Полоцкѣ.

Въ ней замѣчательны: *ъг* въ полоцкыхъ, *о* въ вашомъ, купцомъ, купцовъ, *ъ* вмѣсто *и* въ вельмъ, форма мѣстн. п. во всѣхъ земляхъ, форма ссмо, а также *у* вм. *в:* *у* своеи оччинѣ, *у* литовъскомъ княжьствѣ, *у* Полоцку.

18. Договоръ Полоцка съ Ригою 1478 г., изданный тамъ же. Писанъ въ Полоцкѣ.

Здѣсь замѣчательны явленія аканья: *а* вм. *о* безъ ударенія: пасле, да Куконоса, да освеценого короля, да Смоленьска, да вашее ратуши, з абою сторонъ, стаить; *о* вм. *а* безъ ударенія: ратъмоновъ, -ове, Могдалыни; *е* вм. *а* безъ ударенія: теглицовъ, рижены, -е, о тыхъ чесехъ, ти-

сеча; *е* вм. *у (а?)* безъ ударенія: з верещимъ листомъ; *и* вм. *е (ѣ)* безъ ударенія: теглицовъ, дiля лепъшее твердости. Сверхъ того стоитъ замѣтить: *ы* въ полоцькыи, похвалъкы, забавъкы, *о* въ шостого, купцомъ, *з* вм. *с*: *з* верещимъ листомъ, *з* абою сторонъ, формы род. и дат. въсихъ, всимъ, 1 л. мн. есмо, слово тисеча. Наконецъ, достойно вниманія *у* вм. *в* и на оборотъ: усталъ, вчинили.

19. Письмо неизвѣстнаго лица въ Ригу второй половины XV в. Издано тамъ же. Писано въ Полоцкѣ.

Особенности его языка слѣд.: *о* въ ещо, вашого, нашому, купцомъ, такжо, нашой, ужо, твердое *т* въ повѣдаютъ, чинитъ, трясутъ, твердыя *р* и *л* въ рыскимъ (=рижскимъ), колутъ [1]), форма есмо, *у* вм. *в*: *у* Полотескъ, *у* Полоцку, *у* Невгини, *ч* вм. *ц*: игличами поставы колутъ [2]).

Кромѣ указанныхъ выше памятниковъ, мы имѣемъ два акта, датированные Ригою, которые по языку вполнѣ сходны съ большею частію смоленскихъ и полоцкихъ документовъ и потому могутъ быть признаваемы за писанные смольнянами или полочанами. Это

20. Грамота рижскаго архіепископа въ Смоленскъ конца XIII в. Издана Напьерскимъ въ „Грамотахъ“ и въ „Р.-Л. А.“. Писана въ Ригѣ. Сохранилась въ современной копіи.

Главныя особенности: *о* въ чоловека, токово (описка?), *и* въ мозите (вѣроятно, повелит. н.;=мозѣтѐ?), *у* вм. *в*: узяли, *у* той правдѣ, *у* крестномь человании, *ц* вм. *ч* и на об.: концяти, владычѣ, человании.

21. Договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г. Изданъ въ „Р.-Лив. А.“. Писанъ въ Ригѣ. Сохранился въ современной копіи.

---

[1]) Грябятъ.—вѣроятно, описка.

[2]) Въ „Р.-Лив. А.“ невѣрно: и гличами.

Главныя особенности: *а* вм. *е (ѣ)* безъ ударенія: всякля, всякоя (род. п.), мягкое *к:* всякяя (описка?), твердое *р:* серебрьны, *у* вм. *в:* *у* Полочьку, *у* Ригу, *у* Польтескь, *у* рубежи, *у*ступатися, *ч* вм. *ц:* немечькымъ, -имъ, у Полочьку, полочьки весъ.

22. Копіи съ грамоты литовскаго князя Герденя 1264 г. и съ грамоты полоцкаго князя Изяслава, сдѣланныя въ XIII—XIV в. въ Ригѣ и написанныя на одномъ листѣ. Напечатаны Напьерскимъ въ его изданіяхъ.

Главныя особенности: *и* въ вид*и*бляшпу (при видъбляны), форма есме, *ч* вм. *ц:* полочькая, полочького, немечькому.

Наконецъ, есть нѣсколько древнихъ, XIV—XV в., вкладныхъ, вписанныхъ въ рукописныя евангелія. Такими могутъ быть признаны:

23. Вкладная Андрея Даниљевича XIV в. (Евангеліе XIII—XIV в. Публ. Библ., Погод. собр., N 12, л. 35 об.). Писана уставомъ, причемъ ꙗ имѣетъ косую черту; ъг передается черезъ ы; буквы кое-гдѣ стерлись (они у насъ въ скобкахъ); конецъ вкладной какъ будто написанъ позднѣйшимъ почеркомъ по стертому.

С(е) азъ андрѣи. да
нилыєвичь. а
жо ми сѧ оучинить.
не быть оу поло
т(ьсц)ѣ. даю сельце.
на просмоужьци.
свою. оч҃ину. и дѣ
диноу. сто҃и тр҃ци.
оц҃ю. своєму. і ма
тери. и своєму. пле
мени. на памѧть.
и собе на памѧть.
ажо оустоупитьсѧ.

которыи. кнѧзь.
или вельможа. да судить ѥму. ст҃аѧ тр҃ца
на страшномъ. судѣ. да будеть. проклѧ
тъ.

Здѣсь замѣчательны: *о* въ аж*о* и *у* вм. *в: у* Полотьсцѣ, *у*ступиться.

24. Вкладная Ивана Никоновича XIV в. (то же Ев., л. 128 об.). Писана уставомъ, современнымъ уставу предъидущей вкладной и очень сходнымъ съ нимъ; ѥ имѣетъ косую черту.

Во имѧ оц҃а і сн҃а и ст҃о
го дх҃а. се азъ рабъ
бж҃ии. иванъ. нико
новичь. деменьте
ѥвъ сн҃ъ. ѿходѧ се
го свѣта. далъ ѥсь
ми. ст҃ои тр҃ци.. три
места. ролеиная.
на великомъ по
ли. да поженька.
да лугъ на полоте.
да огородъ. оу ста
ромъ городе. да
полъгумна. оц҃ю
своѥму на памѧ
ть. и собѣ. и дитѧ
ти. а хто иметь
ѿнимати. ѿ ст҃о
ѥ тр҃ци. или вель
можа. или попъ.
иметь. продава
ти. да будеть про
клѧтъ. въ сиі векъ.
и въ будущии.

Здѣсь замѣчательно только *у* вм. *в: у* старомъ городе.

25. Вкладная князя Андрея Ольгердовича конца XIV в. (до 1399 г. Тоже Ев., л. 128 [1]). Писана тотчасъ за предъидущею вкладною и, несомнѣнно, послѣ нея. Почеркъ—полууставъ, переходящій въ скоропись; *ы* передается черезъ **ы**.

А се **а**зъ вѣлики
и. кн**а**зь ондре
полоцкии дал
ъ **є**сми с҃тои тро
ици реку звани
цю з гоны з бровы
ми о҃ звана озера
да до дрысы. а к тои ре
ценикомъ прихода
нетъ. а по моімъ
животе которыи
кнзь иметь о҃ни
мати судить
ему с҃та трц
а да будет
ь прокл**а**
тъ.

Здѣсь замѣчательны: *ц* въ ре*ц*еникомъ (= рѣчьникомъ?), твердое *р* въ Д*р*ысы и форма мѣстн. п. мо*г*мъ.

26. Вкладная князя Анѳрія XIV в. (по „Актамъ Зап. Р.“—около 1399 г. или прежде, по Срезневскому—до 1400 г. Ев. XIV в. Публ. Библ. f. I, 17, л. 144 об. [2]). Писана крупнымъ уставомъ, причемъ **є**, *ѡ* имѣютъ горизонтальную черту и употребляется **є**.

---

[1]) Ср. Акты зап. Россіи, I, N 13.

[2]) Она напечатана въ Актахъ Зап. Россіи, I, N 14, у Головацкаго, Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового яз. русскаго, и у Срезневскаго, Древніе памятники рус. письма и яз. При сравненіи подлинника съ текстомъ во 2-мъ изд. „Древнихъ памятниковъ“ въ послѣднемъ оказались ошибки: будетъ какая обида, вм. будетъ, *И*оа*ѵ*скому, вм. *і*о*ѵ*аскому.

Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе только *о* въ Соменьцо и *у* вм. *в: у* нашемъ монастыри.

II.

Намъ извѣстно нѣсколько памятниковъ, которые могутъ казаться заключающими въ себѣ матеріалъ для характеристики смол.-пол. говора въ XIV—XV вв. Прежде всего это — грамоты литовскихъ государей, случайно выданныя въ Смоленскѣ или Полоцкѣ. Такова, напр., грамота Витовта Василію Карачевскому 1383 г. (Акты Зап. Р., I). Они писаны на обычномъ оффиціальномъ языкѣ юго-западной Руси — на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Затѣмъ сюда относятся:

А. Евангеліе XIII—XIV в. (Публ. Библ., Погод. собр., N 12). Рядъ вкладныхъ (выше NN 23—25 и др.) показываетъ, что оно нѣкогда принадлежало полоцкому Троицкому монастырю. Въ тѣхъ частяхъ текста, которыя были нами прочитаны, мы нашли мѣну *ц* и *ч* и не нашли мѣны *у* и *в*. По всѣмъ признакамъ, этотъ памятникъ писанъ въ Новгородѣ или его области.

Б. Евангеліе XIII—XIV в. (Публ. Библ., q. I, 2) [1]). Рядъ вкладныхъ XVI—XVII вв. показываетъ, что оно находилось въ полоцкомъ Предтеченскомъ монастырѣ (на Островѣ). Особенности орѳографіи и языка (употребленіе ж, ъ вм. ъ, е вм. ѧ и др.) свидѣтельствуютъ, что этотъ памятникъ — списокъ съ средне-болгарскаго оригинала. Данныя, внесенныя русскимъ переписчикомъ, не позволяютъ дѣлать никакихъ заключеній о мѣстѣ написанія рукописи.

В. Евангеліе XIV в. (Публ. Библ., f. I. 17). Изъ ряда вкладныхъ (между прочимъ выше N 26) видно, что оно было нѣкогда въ полоцкомъ Предтеченскомъ монастырѣ. Но данныя языка: мѣна *ц* и *ч*, замѣна *ѣ* черезъ *и* и др., при отсутствіи мѣны *у* и *в*, говорятъ ясно, что рукопись писана въ Новгородѣ или его области.

---

[1]) Изъ собранія гр. Толстого (Описаніе рук. Т., отд. II, N 3).

Г. Вкладная жены Ольгерда Юліаніи 1377 г. или позже (Ев. XIII—XIV в., выше Б, л. 61 об.) [1]). Писана позднѣйшею скорописью и представляетъ копію съ древняго оригинала, даннаго какой-то, неизвѣстно гдѣ находящейся церкви Успенія и почему-то внесеннаго въ Ев. полоцкаго Предтеченскаго монастыря.

Д. Грамота полоцкаго князя Ярослава Изяславича полоцкому Борисоглѣбскому монастырю 1396 г. Она хранится въ названномъ монастырѣ (Срезневскій, Др. пам. р. пис. и яз.); три списка съ нея, новѣйшаго времени, находятся въ Моск. Румянцевскомъ Музеѣ (N 69). По словамъ Калайдовича, доставившаго эти списки гр. Румянцеву (см. приписку на одномъ изъ нихъ), грамота писана на пергаментѣ, съ привѣсью восковой, вовсе непримѣтной [2]) печати; въ его время она находилась у полоцкихъ іезуитовъ, которымъ была сообщена архимандритомъ Борисоглѣбскаго, тогда уніатскаго, монастыря. Одинъ списокъ былъ полученъ Калайдовичемъ отъ іезуита ксендза Мореловскаго; другой удостовѣренъ въ вѣрности Борисоглѣбскимъ архимандритомъ Шулякевичемъ. Вотъ текстъ грамоты по списку Калайдовича, писанному его рукой, съ варіантами по другимъ спискамъ (въ скобкахъ) [3]):

во имя б҃жое (б҃жое) стансе

Я кня' поло^{ч}ки^{и} яросла^{в} ізаславови^{ч} сознаваю сим мои^{м} листо^{м} вечне и непорушно ижь [4]) на чолобитье архима^{н}дриты нашого бори^{с}глебского филарета и всеи брати^{и} его богомо'цо^{в} наши^{х} ку потребе выжывеню и пожытку и^{х} по-

---

[1]) Напечатана въ Актахъ Зап. Россіи, I, N 5.

[2]) Судя по снимку съ печати на одномъ изъ списковъ, послѣдняя довольно большая и примѣтная, но на ней ничего не видно.

[3]) Должно имѣть въ виду, что переписчики грамоты старались передавать точно начертанія ея буквъ; отсюда трудно различать *ь* и *ъ*. Мы передаемъ іотированное *а* черезъ *я*, ȣ—черезъ *у*.

[4]) Послѣднія буквы (*жь*) написаны такъ неясно, что мы читаемъ по догадкѣ.

зволи^{х} есми и вечне нада^{х} на основание и сожыждение млына берег во^{л}ны^{н} противо и^{х} берега на рецы (-и) белчицы (-и) уни^{з} монастира (-ыра) бори^{с}глебского (-аго) межи (-ы) дорогами (да-) которая о^{д} монастыра идеть (-и) и за белчицою другая дорога до двины (-и) ведеть. А кто сию волю нашу или одноюта сеи грамоты душеполе^{з}но (-но^{и}) наруши^{т} да буде^{т} часть его со Арие^{ч} и со юдою. А на твердость вечную печа^{г} нашу велели^{х}мо [1]) завеси^{т}. Писано бысть (-тъ, -ти) во граде нашом (-шо^{м}) поло^{ц}ку. лета о^{г} со^{з}да^{н}наго мира ҂ѕ҃ѳ҃ сотно^{г}. д҃. индикта а҃і.

Востоковъ (Описаніе Румянц. Музея), разсмотрѣвъ списки, призналъ грамоту подложною въ виду отсутствія какихъ бы то ни было извѣстій объ полоцкомъ князѣ Ярославѣ Изяславичѣ; но другіе считаютъ ее подлинною (Срезневскій, Др. пам. р. п. и яз.). Въ языкѣ грамоты обращаютъ на себя вниманіе 1) смѣшеніе съ русскимъ польскаго и церковно-славянскаго элементовъ и 2) нѣкоторыя фонетическія особенности. Между полонизмами мы находимъ: *ку* потребе, *выжывеню, велели^{х}мо;* церк.-слав. элементъ является въ сожы*жд*ение, во г*ра*де, созданн*а*го; между русскими особенностями мы видимъ *е* въ стансе, *ы* въ рецы (мѣстн. п.), твердое *р* въ монасти*ра*, -ы*ра*, два *н* въ созда*нн*аго, форма архимандри*ты* нашого. Изъ послѣднихъ замѣна *ѣ* подъ удареніемъ (рѣцѣ) черезъ *и*, *ы* не встрѣчается въ подлинныхъ смол.-полоцкихъ памятникахъ; причастіе съ двумя *н* по памятникамъ намъ извѣстно не ранѣе какъ съ XV в., и то въ рукописныхъ книгахъ, а не въ грамотахъ; слово архимандрит*а*, съ *а* въ имен. ед. (латинизмъ), является, сколько мы знаемъ, только въ XVI—XVII вв. Одно слово непонятно: *одноюта* (невѣрно прочтено?); другія (напр. *душеполезная* грамота) употреблены необычно. Смѣшеніе русскаго элемента съ польскимъ не рѣдкость въ западно-русскихъ княжескихъ грамотахъ XIV—XV в., но примѣсь церк.-слав. эле-

---

[1]) Надстрочный знакъ въ спискахъ всего болѣе похожъ на букву *х*.

мента есть нѣчто необычное. Принимая въ соображеніе какъ все вышеизложенное, такъ и то, что означенный въ грамотѣ индиктъ 11-й не соотвѣтствуетъ году (1396 г. = 4-й индиктъ), что полоцкій князь Ярославъ Изяславичъ неизвѣстенъ и что грамота могла быть составлена въ сравнительно позднее время по корыстнымъ побужденіямъ, — мы признаемъ эту грамоту составленною въ позднѣйшее время, подложною.

Е. Вкладная мстиславскаго князя Ивана Юрьевича 1458—59 г. (Ев. Б) [1]). По нашему мнѣнію, это позднѣйшая копія съ оригинала, даннаго архіепископу Каллисту и почему-то вписаннаго въ Ев. полоцкаго Предтеченскаго монастыря.

Всѣ эти памятники, естественно, не могутъ служить матеріаломъ для характеристики смол.-полоцкаго говора XIII—XV вв.

III.

Не смотря на сравнительно большое количество памятниковъ древняго смол.-полоцкаго говора, мы не въ состояніи надлежащимъ образомъ охарактеризовать этотъ говоръ. Причина—малый объемъ памятниковъ, значительная часть которыхъ заключаетъ въ себѣ лишь по нѣсколько строкъ.—Но мы все таки можемъ составить себѣ понятіе о главныхъ чертахъ языка жителей областей смоленской и полоцкой.

Данныя, извлеченныя нами изъ памятниковъ, показываютъ, что смоленско-полоцкіе кривичи были по языку близко родственны съ кривичами новгородскими и псковскими. Ихъ говоръ издревле имѣлъ ту же черту, что и говоры новгородскій и псковскій, — взаимную мѣну *ц* и *ч*, но не зналъ ни новгородскаго произношенія *ъ* какъ *и*, ни псковской мѣны *з* и *ж*, *с* и *ш* [2]). Въ замѣнъ этого

---

[1]) Напечатана въ Актахъ Зап. Р., I, N 62.

[2]) Въ полоцкихъ актахъ встрѣчается форма 1 л. мн. ес-

ему былъ свойственъ не существовавшій въ новгородскомъ говорѣ переходъ *у* въ *в* и на оборотъ, развившійся уже въ историческое время и издревле существовавшій въ говорѣ сосѣднихъ смольнянамъ и полочанамъ Дреговичей — предкѣ нынѣшняго бѣлорусскаго нарѣчія. Такимъ образомъ по своимъ главнымъ чертамъ—мѣнѣ *ц* и *ч*, *у* и *в*— древній смол.-полоцкій говоръ былъ промежуточнымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ кривичей съ одной стороны и дреговичей съ другой.

Древнѣйшія до-историческія особенности смол.-полоцкаго говора, кромѣ мѣны *ц* и *ч*, тѣ же, что и другихъ говоровъ древне-русскаго яззыка. Между ними можно замѣтить ассимиляцію *ъ* съ *и:* въсхочет*и* и казнити, мягкость шипящихъ и *ц*, *щ* изъ *з (с)+щ:* и*щ*ьло.

Важнѣйшія измѣненія звуковъ и формъ, происшедшія въ немъ въ историческую эпоху, трехъ родовъ. Они или общи всѣмъ русскимъ говорамъ, или встрѣчаются въ говорахъ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ, или наконецъ извѣстны однимъ бѣлорусскимъ говорамъ.

Къ измѣненіямъ перваго рода принадлежатъ: исчезновеніе глухихъ *ъ* и *ъ*, а отчасти и *и*, и связанная съ нимъ ассимиляція разнаго рода согласныхъ (ризкии, *ш*то и т. п.); переходъ глухихъ въ *о* и *е;* смягченіе гортанныхъ передъ *ы (жи, ги, хи* изъ *кы* и т. д.), являющееся уже въ древнѣйшемъ памятникѣ смол.-пол. говора, хотя не смягченные гортанные продолжали существовать даже въ XV в. [1]); переходъ *е* (древняго и изъ *ъ*, рѣдко изъ *ѣ*) въ *о* какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія [2]); отожествленіе *ѣ* съ *е;* образованіе новыхъ формъ въ родѣ ф. мѣстн. Смоленьс*ѣ*.

ме, которую мы находимъ еще только въ памятникахъ новгор. и псковскихъ.

[1]) Они существуютъ, какъ извѣстно, и теперь въ нашемъ литературномъ яз. Мы говоримъ: пріиск*ы*вать, отталк*ы*вать, отпих*ъ*вать (рядомъ съ пріиск*и*вать и т. д.).

[2]) Объ *о* изъ *е* безъ ударенія см. нашу замѣтку: „Къ исторіи русскихъ акающихъ говоровъ“, въ Р. Ф. В. 1884, N 3.

Измѣненія втораго рода — тѣ, которыя принадлежатъ къ явленіямъ такъ называемаго аканья, имѣющимъ мѣсто только при отсутствіи ударенія. Это переходы: *о (ё)* въ *а:* ст*а*ить, всяко*я*, *о* въ *ы:* стары*м*у, серебры*х*ъ (изъ серебр*о*ныхъ, серебр*ё*ныхъ), *а* въ *е:* р*е*жене, чесехъ, *а* въ *и:* тегл*и*цовъ. Эти явленія мы видимъ въ полномъ развитіи въ началѣ XV в., но указанія на существованіе ихъ можно находить уже въ памятникахъ конца XIII в.: грам. N 20. Сюда можно присоединить измѣненіе *г*=g въ *г*=h и опущеніе послѣдняго въ бласловляю, а также форму мѣстн. ед. мо*г*мъ: гр. N 25.

Измѣненія третьяго рода состоятъ въ отвердѣніи *р:* серебр*ы*ны (= серебр*ё*ны), Др*ы*сы, которое является въ памятникахъ конца XIV в. и нач. XV в., въ замѣнѣ *с* въ предлогѣ *съ* черезъ *з (=изъ): з* абою сторонъ (N 18), и въ отожествленіи нѣкоторыхъ формъ дательн. ед. съ ф. мѣстн.: Божь*ему*. Сюда можно присоединить и переходъ *у* въ *в* и на оборотъ; хотя онъ является и въ южно-великорусскихъ говорахъ, но свойственъ только небольшой ихъ части и то тѣмъ, говорившіе которыми никогда не сосѣдили съ смольнянами и полочанами. Сюда же можно присоединить *и* въ т*и*сеча, вс*и*хъ, вс*и*мъ [1]), формы 1 л. мн. на *мо* (ес*мо*, быхм*о)*, вѣроятно, заимствованныя полоцкимъ говоромъ изъ литературнаго зап.-русскаго языка стараго времени.

Одно измѣненіе — *ш* или *ч* въ *с* въ словѣ *что* (гр. N 9) — обще древнему полоцкому говору съ нѣкоторыми современными говорами нашего сѣвера, потомками новгородскаго говора (Колосовъ, Обзоръ звук. и форм. особенн., 184).

Прочія особенности, встрѣченныя нами въ смол.-пол. памятникахъ, внушаютъ мало довѣрія и могутъ быть счи-

---

[1]) Объ *и* въ т*и*сяча см. въ Р. Ф. В. 1885 г. N 1, а объ *и* въ вс*и*хъ—въ нашихъ „Изслѣдованіяхъ въ области р. грамматики", стр. 74.

таемы за описки. Это — *ъ* въ *велъмъ* (N 17), твердое *л* въ *колутъ* (N 19), мягкое *ж* въ *всяжя* (N 21).

IV.

Пространство древняго смоленско-полоцкаго говора, вѣроятно, было довольно обширно, и онъ слышался въ значительной части нынѣшнихъ Смоленской и Витебской губерній, въ южной части Псковской, въ юго-западной Тверской, въ сѣверной Могилевской. Разнаго рода историческія событія, имѣвшія мѣсто въ концѣ XIV, въ XV и XVI вв., повели къ умепьшенію количества исконнаго населенія, потомства древнихъ смол.-полоцкихъ кривичей, и къ движенію въ ихъ земли колонистовъ бѣлоруссовъ съ юга и великоруссовъ съ запада. Вслѣдствіе этого вблизи Смоленска и Полоцка перестали слышаться особенности древняго смол.-пол. говора; они сохранились только на окраинахъ того пространства, гдѣ звучали прежде. Ихъ можно слышать въ тѣхъ говорахъ, которые обыкновенно, съ полнымъ основаніемъ, причисляются къ бѣлорусскимъ и которые имѣютъ, сверхъ всѣхъ главныхъ особенностей бѣлор. нарѣчія, также мѣну *ц* и *ч*. Это, прежде всего, говоръ Себежскаго уѣзда, на границахъ Псковской губ. У одного изъ этнографовъ онъ имѣетъ такую характеристику: „Себежскій (говоръ) замѣчателенъ перемѣной буквы *ч* на *ц*, *о* и *е* на *а*; напримѣръ, вмѣсто *чего* себежецъ говоритъ *цаго*, вм. *хочу* — *хацу*. Говоръ себежскихъ бѣлорусцевъ до того отличенъ отъ говора другихъ мѣстностей, что жителей этого уѣзда народъ дразнитъ прозваніемъ цвякуновъ“ (Сементовскій, Этнографическій обзоръ Витебской губ., СПб. 1872, стр. 7—8. Сравни Этнограф. Сборникъ, II, 113). Съ себежскимъ говоромъ сходенъ говоръ ржевскій [1]). По словамъ г. Преображенскаго, кре-

[1]) Слѣдуетъ помнить, что Ржевъ нѣкогда входилъ въ составъ Смоленскаго княжества. Борзаковскій, Исторія Тверскаго княжества, стр. 41.

стьяне самой западной части Тверской губ. нѣсколько отличаются отъ остальнаго населенія той же губерніи. Жители западной половины (слѣдов., на правомъ берегу Волги) Ржевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ тудовлянъ, отъ названія рѣки Молодой Тудъ. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго у. на правомъ берегу Волги и жители селеній по рѣкамъ Итомлѣ (Ржевск. у.) и Кошѣ (Осташк. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ бѣлоруссамъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь (Преображенскій, Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, СПб. 1854, стр. 78. Сравни списокъ населенныхъ мѣстъ Тверской губ., XXVI, и Борзаковскій, Исторія Тверскаго княжества, стр. 6). Образцы ржевскаго говора изданы въ „Этнографическомъ Сборникѣ“, т. I (гдѣ также сдѣлана характеристика говора). Изъ нихъ видно, что главныя особенности его—бѣлорусское аканье, дзеканье и цоканье, *г*=h, *з* вм. *с:* *з*нимаиць, *з* яднаго бока, *з*виння (свинья), *у* вм. *в:* *у*довъ, *у*здумавъ, *у* нагу́, *у*ремя, *ц* вм. *ч* и на оборотъ: до*ц*ъ (дочь), гастин*ц*ыкъ, *ц*алавѣкъ, *ц*асъ, *ч*арство, вулича. — Сверхъ этихъ говоровъ, мѣна *ц* и *ч* слышится кое-гдѣ въ Витебскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ пѣсенъ, записанныхъ тамъ Шейнымъ.

А. Соболевскій.

РУССКІЯ ПРИЧАСТІЯ НА -ННЫЙ.

Русскій языкъ представляетъ весьма любопытное явленіе: причастія страд. зал. прош. вр. въ именной формѣ всегда оканчиваются на *-нъ, -на, -но:* выбранъ, *-на, -но* [1]), между тѣмъ какъ ихъ мѣстоименная форма нерѣдко имѣетъ окончаніе *-нный, -нная, -нное:* выбранный, *-нная, -нное.* То же замѣчается и относительно нѣкоторыхъ прилагательныхъ. Ни церковно-славянскій, ни древне-русскій, ни большая часть другихъ славянскихъ языковъ не знаютъ причастій съ двойнымъ *н*, и они въ настоящее время должны считаться одною изъ особенностей русскаго языка. Само собою разумѣется, въ нихъ нельзя видѣть древнихъ образованій.

Происхожденіе ихъ всего лучше можетъ быть объяснено вліяніемъ на формы причастій съ окончаніемъ *-нный, -нная, -нное* (съ однимъ *н*) формъ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, близкихъ по звукамъ и значенію къ причастіямъ и заслуживающихъ названія отпричастныхъ. Они имѣются и въ церк.-слав. яз., и въ древне-русскомъ, и хотя въ памятникахъ встрѣчаются нечасто, но не составляютъ также и особой рѣдкости. Ихъ окончаніе въ именной ф. *-нънъ, -а, -о,* въ мѣстоименной *-нъныи, -ая, -ое:* оканънъ, *-нъныи,*

---

[1]) Именная форма причастій на (*-нъ*), *-на, -но,* нерѣдкая у Ломоносова, Державина и др. старыхъ поэтовъ—форма совершенно чуждая живому языку. Она внесена въ нашъ литературный языкъ XVIII в. изъ стараго славяно-русскаго языка, въ которомъ она отчасти создалась искусственно, отчасти проникла изъ средне-болгарскихъ текстовъ. Средне-болг. причастныя ф. на (*-нъ*), *-на, -но,* конечно, одинаковы по происхожденію съ нашими ф. на *-нный.*

неиздрече*нѣнъ*, непрѣста*нѣнъ*, дрѣзнове*нѣнъ*, въздрѣжа*нѣнъ*, оскверънева*нѣнъ*, богорадова*нѣнъ* (Тріодь постная XII в. Синод. Б. N 319) [1]), несказа*нѣнъ* (Новгородская лѣтоп. по Синод. сп. XIV в., 305). Они существуютъ и въ современномъ русскомъ яз.: открове*ненъ*, *-нный*, обыкнове*ненъ*, бездыха*ненъ*, окая*ненъ* и т. п. Вліяніе этихъ прилагательныхъ на причастія на *-ный* иногда имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что послѣднія, сохранивъ въ цѣлости свои древнія именныя формы, въ мѣстоим. формахъ замѣнили древнее окончаніе новымъ, заимствованнымъ окончаніемъ *-нный*. То же произошло и съ нѣкоторыми прилагательными на *-ный*, въ родѣ дерева*ный*.

Формы причастій съ двумя *н* нерѣдки уже въ русскихъ рукописяхъ XV в. Мы находимъ ихъ между прочимъ въ сѣверно-русской рукописи XV в.: связа*нный*, уготова*нный*, принесе*нный* (Тихонравовъ, Пам. отреч. литер., II[1], 155), и въ западно-русской Четьѣ 1489 г.: препояса*нный*, рече*нный*, исцѣле*нный* (лл. 63 об., 68, 68 об.).

Надо замѣтить, что причастія и прилагательныя съ новымъ окончаніемъ не вытѣснили изъ употребленія прич. и прилаг. съ окончаніемъ древнимъ, и мы говоримъ выбра*нный* и выбра*ный*, писа*нный* и писа*ный*, брошe*нный* и брошe*ный*, серебря*нный* и серебря*ный*; при этомъ, при удареніи на 2-мъ слогѣ отъ конца, мы отдаемъ предпочтеніе формамъ съ двойнымъ *н*, а при удареніи на другихъ слогахъ наиболѣе часто употребляемъ формы съ однимъ *н*.

А. Соболевскій.

---

[1]) Текстъ этой Тріоди снабженъ нотами, и надъ ѣ въ окончаніи *-нѣнъ* всегда стоитъ нотный знакъ.

РУССКОЕ ЧУ.

Наша частица *чу*, причисляемая въ грамматикахъ къ междометіямъ, выдѣляется изъ ряда однородныхъ частицъ тѣмъ, что не представляетъ звукоподражанія и обнаруживаетъ по звукамъ и значенію близость къ глаголамъ *чути*, *чуяти*. Разсматривая случаи ея употребленія, напр.:

Тише! *чу!* гитары звонъ! Пушк.
Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ . . .
Пушк.
И томно горлинки журчатъ.
Да *чу!* и къ завтренѣ звонятъ. Жук.
Чу! дальній выстрѣлъ! прожужжала
Шальная пуля . . . Лерм.
Чу! въ городъ вступаютъ гусары;
Я слышу ихъ музыки звукъ. Добролюб.,

мы видимъ, что она иногда значитъ приблизительно то же, что *слышишь*, съ вопросительнымъ оттѣнкомъ; поэтому оказывается возможнымъ считать *чу* ведущимъ начало отъ одной изъ формъ 2 л. ед. ч. глагола *чути*, который въ церковно-слав. яз. имѣлъ значеніе *слышать* (ты . . . не *чу* бывъшиихъ, Остр. Ев.) и который въ сербскомъ яз. употребляется въ этомъ значеніи и нынѣ: oj *чујеш* ли, Павле господару?=*слышишь* ли; *зачула* га вила Равијојла=*услышала* его вила; нигде виле *чути* ни видети = нигдѣ вилы не слыхать и не видать (В. Караджичъ, Пѣсни, II) [1]. Сербскій языкъ имѣетъ отъ него форму *чу:* кад то *зачу* од Будима крале = когда то *услышалъ*, которая въ

[1]) Русское *чуять* значитъ, между прочимъ, *слышать*. Народъ говоритъ о глухомъ: онъ ничего не *чуетъ*.

эпическихъ обращеніяхъ сербскихъ пѣсенъ нерѣдко употребляется рядомъ съ ф. *чујеш* въ одномъ съ нею значеніи. Напр.:

Већ ме *чу* ли, краљу Вукашине?
Чу ли мене, моја јетрвице?
Ој *чу* ли ме, мој брате Стефане?
Но *чу* ли ме, вјеран слуго Лазо?

Сравни: Ој *чујеш* ли, Павле господару?
Чујеш ли ме, дивски старјешино?

Сербское эпическое *чу* = *чујеш* есть, безъ сомнѣнія, форма 2 л. ед. ч. аориста съ значеніемъ настоящ. вр. Ту же форму можетъ представлять и наше *чу*, являющееся такимъ образомъ единственнымъ остаткомъ аориста въ современномъ русскомъ языкѣ, утратившимъ свой древній смыслъ и получившимъ характеръ междометія.

Чешское čuž, točuž, нерѣдкое въ старыхъ памятникахъ, въ родѣ отрывковъ Александреиды и Градецкаго сборника, неясно для насъ по значенію [1]), и мы не считаемъ для себя возможнымъ рѣшать вопросъ объ его близости къ русск. и сербск. *чу*. Польск. czuż, toczuż, встрѣчающееся, напримѣръ, въ Шарошпатацкой Библіи (to gdisz uszrzal przyyaczyel gego wszitko, *toczusz* czso czynyl ludu, rzekl gest; изд. Малэцкаго, 64),—конечно, богемизмъ.

А. Соболевскій.

---

[1]) Статья проф. Гебауера, посвященная между прочимъ чешск. čuž и помѣщенная въ Listy filologické a paedagogické 1880 г., – намъ неизвѣстна. Мнѣніе проф. Ягича, что čuž образовалось изъ čuj že (Archiv für Slav. Philol., V, 493), на нашъ взглядъ не имѣетъ достаточнаго основанія.

О niektórych zjawiskach języka polskiego. Napisał Szymon Matusiak. W Krakowie. 1885.

Трудъ г. Матусяка и невеликъ (всего 64 страницы) и имѣетъ крупные недостатки. Было бы напрасно искать у автора критическаго отношенія къ матеріалу, освѣщенія данныхъ польскаго языка однородными данными другихъ славянскихъ языковъ, наконецъ обстоятельнаго знакомства съ лингвистическими изслѣдованіями въ области славяновѣдѣнія. Но въ виду того, что славянская наука крайне бѣдна работами по языкознанію, выше названный трудъ заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ немъ затрогиваются довольно интересные вопросы.

Первая изъ трехъ главъ, составляющихъ его, посвящена вопросу о замѣнѣ *a* черезъ *e* передъ согласными *m* и *n*. Авторъ прежде всего указываетъ относящіяся сюда данныя въ нѣкоторыхъ старыхъ памятникахъ польскаго языка и въ современныхъ польскихъ говорахъ: w rǫku *pǫney* (= paniej), *pogǫnw* (= poganów), *pomǫcz* (= pamięć въ Флоріанской Псалтыри, *zarenku* (=zaranku) въ Шарошпатацкой Библіи, sz thąsz *pąnya* (=z tąż panią), *vrenicz* (=uranić), *vrenił* (=uranił) и т. п. въ переводѣ Praw Казимира Великаго и Ягелла, *kłemca*, *pemieć*, *sema*, *tem*, *nema*, *wema* (= nama, wama) и др. въ нынѣшнемъ лясовскомъ говорѣ. Затѣмъ г. Матусякъ ставитъ въ связь съ *e* изъ *a* (открытаго) *o* изъ *a* закрытаго (ścieśnione) и *u* и *e* изъ *i*, *y*, являющіяся также передъ *m* и *n*, и основываясь на существованіи въ древнемъ и современномъ польскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ передъ *m* и *n* въ случаяхъ въ родѣ *ciałęm* (изъ ciałem), *kięm* (изъ kiem), *mǫm* (изъ mam), *dumǫm* (изъ dumam), высказываетъ мнѣніе, что *e* на мѣстѣ *a* въ *urenić*, *tem* и проч. образовалось не

прямо изъ *a*, а чрезъ посредство носоваго *ę*, которое потомъ по большей части утратило носовой призвукъ.

Съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Сначала замѣтимъ, что на нѣкоторыя изъ приведенныхъ г. Матусякомъ данныхъ: w rǫku *pǫney, podǫnw, pomǫcz, pąnya*, позволительно смотрѣть иначе, чѣмъ смотритъ авторъ. Извѣстно, что старыя польскія рукописи изобилуютъ ошибками и описками, и что какъ Флоріанская Псалтырь, такъ и Шарошпатацкая Библія занимаютъ въ этомъ отношеніи не послѣдніе мѣсто. Въ виду этого въ указанныхъ выше данныхъ, всего удобнѣе видѣть погрѣшности писцовъ, не имѣющія никакой связи съ произношеніемъ звуковъ. Потомъ укажемъ, что нѣкоторыя изъ звуковыхъ явленій, признаваемыхъ авторомъ за аналогичныя съ образованіемъ *e* изъ *a*, должны имѣть особыя объясненія. Формы твор. ед., дат. и твор. множ. въ родѣ *dobrem, dobremi, mojem, mojemi* вполнѣ объясняются не переходомъ *y* и *i* въ *e*, а смѣшеніемъ твор. ед. съ мѣстн. ед. и вліяніемъ на формы дат. и твор. мн. формъ именит. и винит. мн. Сравни русскія формы моехъ, моемъ, моеми и т. п. (при имен.-вин. мое = моѣ), разсмотрѣнныя нами въ „Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики“, стр. 74. Формы 1 л. ми. *chwalemy, słyszemy* (=chwalimy, słyszimy) могутъ быть считаемы происшедшими путемъ не перехода *i* въ *e*, а вліянія на нихъ формъ въ родѣ *piszemy*. Сравни встрѣчающіяся въ старыхъ галицко-волынскихъ памятникахъ формы 1 л. повел. н. въ родѣ покорѣмъ (наши „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, стр. 57, 88), образовавшіяся подъ вліяніемъ формъ въ родѣ идѣмъ. Слово *jeny* одинъ (za *genego* wolu, *genǫ* zonǫ, Библія Шарошпатацкая; *geno*, переводъ Praw и др.) не находится въ родствѣ съ церк.-слав. *инъ* одинъ, какъ полагаетъ г. Матусякъ, а есть не что иное, какъ *jedny* съ выпускомъ *d*; возможно, что это слово, встрѣчающееся только въ старопольскихъ памятникахъ и неизвѣстное современному польскому языку,— богемизмъ; по крайней мѣрѣ въ чешскомъ языкѣ мы находимъ *en, jenom* (рядомъ съ *jedno, ledno, edem*), изъ *jedno* (вин.

п.), *jednom* (мѣстн. п. ед.). Сравни Gebauer, Hláskosloví jazyka českého, s. 116. — Что касается до вывода автора относительно ę какъ посредствующей ступени между *a* и *e*, то онъ не имѣетъ достаточнаго основанія. Всѣ польскіе говоры имѣютъ нѣкоторое количество случаевъ образованія *e* изъ *a* передъ плавными; въ родѣ *uderzyć* ударить; одинъ изъ кашебскихъ говоровъ имѣетъ *ö* и *e* изъ *a* не только передъ *m* и *n*, но и передъ другими согласными, такъ что въ немъ, рядомъ съ *röno*, *römie* (= rano, ramię), слышится *rödosc* радость, *rök*, *trówa*, *döł* далъ, *döli*, *dej* дай, *gniewej* и т. п. (Biskupski, Beiträge zur slawischen Dialectologie, ss. 29—31). Близкій во многихъ явленіяхъ къ польскому, чешскій языкъ также имѣетъ нѣкоторое количество случаевъ образованія *e* изъ *a*, въ тожественности котораго съ образованіемъ польскаго *e* изъ *a* трудно сомнѣваться. Это *e* мы находимъ въ старыхъ чешскихъ памятникахъ, гдѣ оно обыкновенно является передъ носовыми и плавными согласными: *vem*, *nem* (= вамъ, намъ; Hradecký Rukopis, vydal A. Patera, ss. 149, 207), *beran*, *beranek* (=баранъ; ibidem, ss. 199, 217; Zbytky rýmowaných Alexandreid staročeských, vydali M. Hattala a A. Patera, s. 78), *udeři*, *dělě* (=ударилъ, далѣе; Zbytky, ss. 41, 5). Въ чешскихъ памятникахъ конца XV вѣка и послѣдующихъ и въ современномъ чешскомъ языкѣ *e* изъ *a* встрѣчается также передъ j: *dej* дай, *dejte*, *tejný*, *nejvyšší* и т. п. (Gebauer, Příspěvek k historii českých samohlásek, s. 48; онъ же, Hláskosloví jazyka českého, s. 57). Такъ какъ *e* въ *uderzyć* не могло образоваться изъ *a* при посредствѣ ę, и такъ какъ въ чешскомъ языкѣ въ историческое время носовыхъ гласныхъ не существовало и нѣтъ возможности предполагать между *e* въ *vem* и *a* въ *vam* промежуточное ę, то и *e* въ польск. *zarenku*, *wcma* нѣтъ возможности считать происшедшимъ изъ *a* не прямо, а чрезъ посредство ę.

Вторая глава посвящена г. Матусякомъ вопросу о томъ, какъ давно существуютъ въ польскомъ яз. носовыя *o* и *e*. Какъ извѣстно, существуетъ мнѣніе, которое вы-

сказано впервые, кажется, проф. Потебнею, будто бы польскій яз. даже въ XIV—XV вв. не имѣлъ еще носоваго *е* и что тогда на мѣстѣ нынѣшняго *ę* слышалось носовое *а*. Авторъ своими доводами, основанными на данныхъ памятниковъ, удачно опровергаетъ это мнѣніе. И дѣйствительно, можно ли сомнѣваться, что въ древне-польскомъ яз. нынѣшнее *ę* произносилось какъ *ę*, когда чередованія въ родѣ *czięść—cziąstka* (съ носовымъ *о*) представляютъ полное сходство съ чередованіями *bierzesz—biorę* и т. п. и вполнѣ объясняются такъ же, какъ и эти послѣднія? При полномъ согласіи съ авторомъ въ главномъ, мы затрудняемся согласиться съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Изъ тѣхъ данныхъ старыхъ польскихъ памятниковъ, которыя онъ приводитъ, придавая имъ то или другое значеніе, одни могутъ быть разсматриваемы какъ простыя ошибки писцовъ. Таковы во Флоріанской Пс. *szema* вм. szemǫ = ziemię, *rǫka twoga* вм. rǫkǫ twogǫ = rękę twoją (стр. 28), въ Шарошпатацкой Библіи *odtworzǫne* = otworzone, po *ymyǫnach* = imionach, *opuszczǫna* и др. (стр. 31). Другія могутъ быть объясняемы неточностью старой польской графики; таковы данныя тѣхъ памятниковъ, которыя прежде всего имѣютъ ǫ на мѣстѣ или обоихъ нынѣшнихъ носовыхъ гласныхъ, или одного носоваго *о*. Третьи, по нашему мнѣнію, указываютъ на то, что въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ XIV—XV вв. существовало носовое *а*, подобно тому, какъ существуетъ оно въ современныхъ говорахъ. Писецъ Флоріанской Пс. могъ слышать въ *rancze* = ręce, *wanszowe* = wężowie, *duszan* = duszę и др. не носовое *о*, *е*, какъ готовъ думать авторъ (стр. 29), а носовое *а*, хотя въ *mǫsz* = mąż, *bǫdǫ* = będę ему слышались носовыя *о* и *е*. — Старо-польскія и отчасти современныя народныя формы род. ед. и им.-вин. мн. словъ женскаго рода въ родѣ *dusze*, *prace*, *studnie* и вин. мн. словъ муж. р. въ родѣ *konie*, *kraje* не восходятъ къ болѣе древнимъ формамъ на ѧ, какъ утверждается г. Матусякомъ (стр. 37), и не могутъ служить доказательствомъ древности ę. Если бы г. Матусякъ обратилъ вниманіе на

др.-русскій и современный словацкій яз., изъ которыхъ въ первомъ эти формы имѣютъ окончаніе *ъ*, а во 2-мъ — окончаніе *е*, и былъ бы знакомъ съ нашимъ трудомъ „Изслѣдованія въ области р. грам.“, гдѣ мы, между прочимъ, объяснили приведенныя имъ польскія формы (стр. 24—25), — онъ, быть можетъ, остерегся бы ссылаться на подобныя данныя. Хорватск. *čado* = чадо, *jazik*, *jačmik*, которыя указаны авторомъ на стр. 44, не имѣютъ никакого отношенія къ явленіямъ польскаго яз., имъ разсматриваемымъ, и объясненіе въ нихъ *a* при помощи сопоставленія *Anglez* и *Englez*, *Anglija* и *Engleska* по меньшей мѣрѣ неудачно.

Въ третьей главѣ авторъ говоритъ объ утратѣ ринезма въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ. Онъ вполнѣ основательно утверждаетъ, что исчезновеніе носоваго призвука не находится ни въ какой связи съ явленіями ассимиляціи согласныхъ, какъ полагаютъ нѣкоторые: съ чѣмъ могъ ассимилироваться исчезнувшій носовой призвукъ въ концѣ литературной формы bę̇dę̇? Но его мнѣніе, что причиною утраты ринезма можетъ быть образованіе закрытыхъ (ścieśnione) носовыхъ гласныхъ и несовмѣстность закрытаго произношенія съ носовымъ,— также не выдерживаетъ критики. Русскій, чешскій, сербскій яз. знали когда-то носовые гласные; они утратили ринезмъ, и тѣмъ не менѣе имѣютъ на мѣстѣ носовыхъ открытые гласные звуки; по крайней мѣрѣ относительно русск. и чешск. *a*, сербск. *е* изъ ѧ, нѣтъ данныхъ утверждать, что они когда-нибудь были звуками закрытыми. Такимъ образомъ отсутствіе какой бы то ни было зависимости между существованіемъ ринезма и открытымъ или закрытымъ произношеніемъ гласныхъ достаточно очевидно. — Въ этой главѣ опять есть ссылки на такія данныя старо-польскихъ памятниковъ, на которыя всего удобнѣе смотрѣть или какъ на ошибки писцовъ, или какъ на богемизмы. Къ числу послѣднихъ мы готовы отнести *ranyen* въ Шарошпатацкой Библіи.

А. Соболевскій.

Дозволено Цензурою. Варшава 5 Апрѣля 1883 года.
Въ типографіи Михаила Земкевича. Крак.-Предмѣстье N 17.